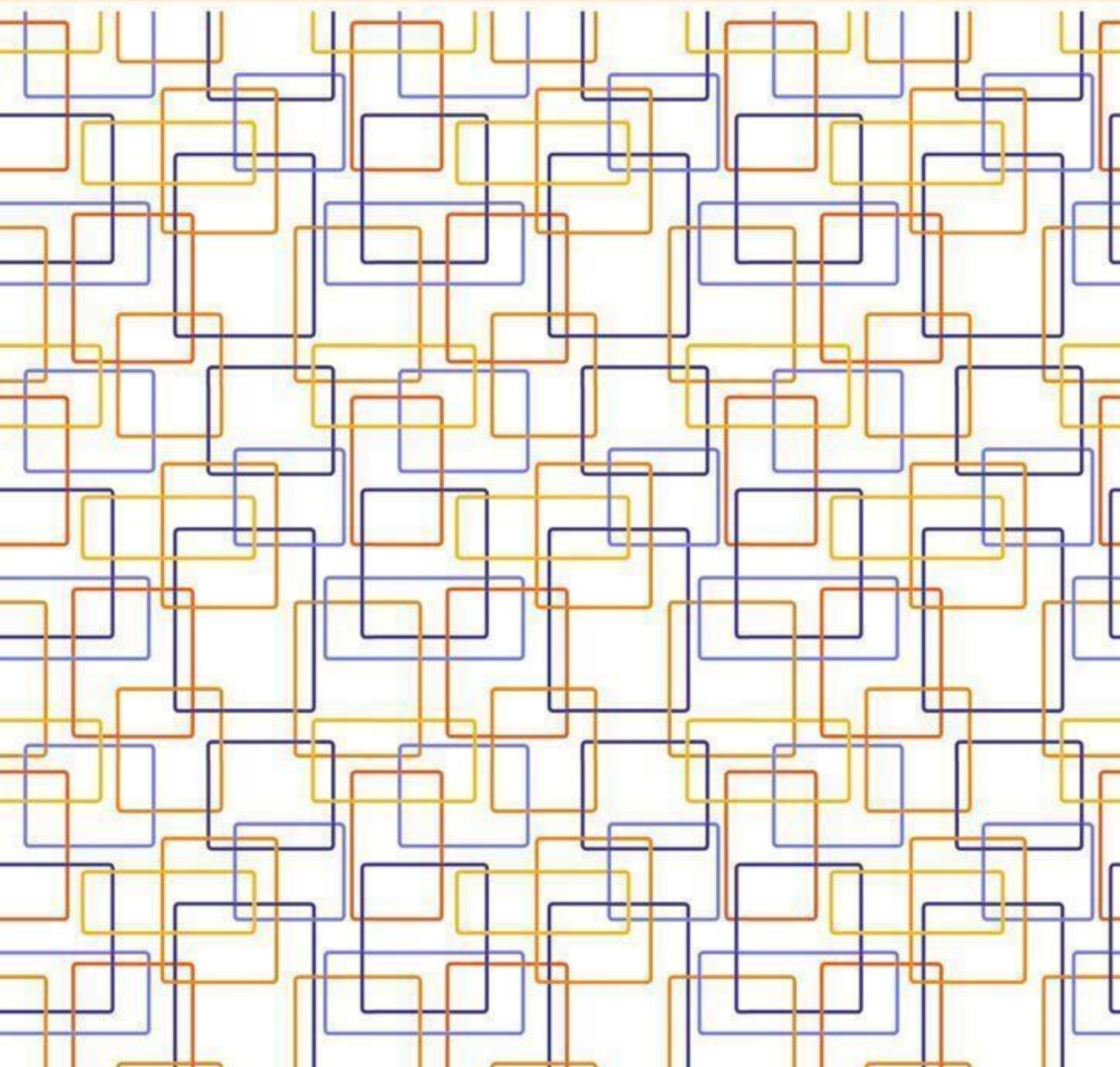


18+

ЮРИЙ ЯМИЛОВ

Любить не плоть, а то, что потеряли



Юрий Ямилов

**Любить не плоть,
а то, что потеряли**

«Издательские решения»

Ямилов Ю.

Любить не плоть, а то, что потеряли / Ю. Ямилов —
«Издательские решения»,

Она случайно включила аудиокнигу, которой нет в интернете. Настя — развод, немытая тарелка, сын, который молчит по утрам. Ей 42, её жизнь похожа на смету с ошибкой в итоге. Всё меняется в одну ночь: голос в наушниках переносит её на холм, где Адам и Ева ещё не знают разделения, а мысли светятся теплом. Проблема: этой книги не существует. Её нет в магазинах, нет в базах — она приходит только во сне. И она говорит с Настей голосами её мужа, сына и нерождённого ребёнка.

© Ямилов Ю.

© Издательские решения

Любить не плоть, а то, что потеряли

Юрий Ямилов

© Юрий Ямилов, 2026

ISBN 978-5-0070-7278-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Любить не плоть, а то, что потеряли»

Как дышать врозь одним воздухом?

Пролог

Страницы открываются. Вместе с ними открывается пространство, которого секунду назад не было. Воздух становится чуть плотнее, тени в углах — глубже, тишина перестаёт быть просто отсутствием звуков.

Тот, кто читает эти строки, ещё не знает, куда они ведут. Может быть, текст сам нашёл его — случайная ссылка, забытый файл, чужой голос в наушниках. Слова умеют находить своих читателей, и никто не знает как. Но если эти строки попались на глаза — значит, в этом есть необходимость.

В этом повествовании можно увидеть женщину, которая не может заставить себя вымыть тарелку. Мужчину, который смотрит в окно и думает о той, кого никогда не встречал. Адама и Еву — не в раю, а в чужой памяти. Предательство, которое было не предательством, а любовью. Смерть, которая была не концом, а началом.

Где-то между этими строчками можно увидеть и себя. Не обязательно сразу. И не обязательно смотреть в упор.

Настя уже зашла в квартиру. Она сбросила туфли у порога и, не зажигая света, прошла на кухню. Можно войти вместе с ней. Можно остаться на пороге. Никто не будет настаивать.

Если кто-то дочитает до конца, он, возможно, заметит: текст не закончился. Он просто перешёл в другое состояние — в мысли, в сны, в дыхание. И если вернуться к первой странице, она будет выглядеть иначе. Не потому, что изменились слова. А потому что изменился тот, кто их прочитал.

Часть первая. Кухня

Она сняла туфли у порога, не зажигая света, и прошла на кухню. Левая туфля была стоптана на каблуке — она это заметила, когда ставила их в ряд, и подумала, что надо отдать в ремонт, но теперь некому напомнить.

На кухне пахло остывшим жиром. Тарелка стояла на столе: гречка слиплась в ком, котлета была надкусана с одного бока, жир застыл белой матовой плёнкой, в которой размыто отражался жёлтый свет уличного фонаря. Настя села на табуретку, положила руки на колени и стала смотреть на эту плёнку.

Она вышла из здания суда около шести — сегодня рассматривали иск о разделе квартиры, и судья, уставшая и равнодушная, перенесла заседание на следующий месяц, потому что ответчик не явился. Из-за пробок добралась до дома только к восьми. Теперь было почти одиннадцать. Три часа она просидела на одном месте, не двигаясь, и за это время ни одна

мысль не оформилась в слова. Только ощущение, что внутри что-то сломалось — не громко, не вдребезги, а так, как ломается пружина в старых часах: без звука, просто перестаёт держать.

Серёжа не доел утром. Сказал: «Я к папе хочу, у него нормальная еда», положил вилку и ушёл в школу. Она тогда не ответила. Стояла у плиты с лопаткой в руке и смотрела, как он застёгивает рюкзак, и думала: «Надо бы что-то сказать». Не сказала. Теперь он ночевал у отца, в чужой квартире, с чужой женщиной, которая, наверное, не забывает мыть тарелки вовремя.

Тишина в квартире была плотной. Холодильник включался с глухим рокотом — единственный звук, который нарушал покой, но не разрушал его, а только подчёркивал. За окном моросил дождь, мелкий, сибирский, бесконечный. Стекла запотели — она провела пальцем по одному из них, и на тёмном фоне осталась мокрая дорожка, которая через секунду снова затянулась.

Настя смотрела на тарелку и не могла заставить себя ни вымыть её, ни выбросить, ни просто убрать со стола. Раньше она всегда всё расставляла по местам: вилки — зубцами влево, книги — по алфавиту, жизнь — по расписанию. Теперь это умение исчезло. Она не знала, куда делось, но чувствовала, что оно покинуло её так же незаметно, как муж уходил из дома по утрам — не прощаясь, просто закрывая дверь.

Развод оформили неделю назад. Нет, не так: развод случился три года назад, в тот вечер, когда муж сказал: «Ты меня не слышишь, Насть. Ты вообще никого не слышишь». А неделю назад они просто поставили подписи. В ЗАГСе пахло хлоркой и чужими духами — сладкими, приторными, как сироп от кашля. Женщина в окошке сказала: «Поздравляю, вы свободны», — и улыбнулась профессионально, без тепла. Настя тогда хотела ответить: «Свобода — это когда есть к кому возвращаться», но промолчала. Молчание вообще стало её главным языком за последние годы.

Она взяла телефон. Экран был тёмным, в нём отражалось её лицо — бледное, с тёмными кругами. Она нажала на кнопку, и синий свет залил экран, растворив зеркальное изображение. Открыла приложение с аудиокнигами, ввела в поиск: «что послушать одинокой женщине». Выпали стандартные рекомендации — про счастье, про любовь к себе, про новые начинания. Всё мимо. Она пролистала дальше, и в самом низу заметила странное название:

«Светлый смех и горькая соль»

Она задержала палец. Ну, смех понятно. Соль понятно. Что тут непонятного? Название звучало так, будто автор очень старался сделать его глубоким, но перестарался. Детское какое-то, инфантильное. Ей даже стало немного жалко автора, который, судя по всему, захотел остаться неизвестным — ни имени, ни фотографии. Внизу мелким шрифтом: 2023. Никаких просмотров. Никаких отзывов. Три года книга висела в каталоге, и никто её не тронул.

Она уже хотела закрыть приложение, когда взгляд зацепился за подзаголовок — мелкий серый шрифт, почти незаметный на синем фоне:

«Как дышать врозь одним воздухом?»

Она сжала зубы. Просто от того, что вопрос вошёл слишком глубоко. В то самое место, которое ныло уже третий год. Которое она пломбировала, лечила, а оно всё равно болело. Сверху стояла пломба, ровная, белая, аккуратная — как будто всё было в порядке. Но под ней, у самого корня, зрела тихая, гнойная катастрофа.

От резкого сжатия она почувствовала зуб. Не воспоминание о боли, не метафору. Настоящий зуб в настоящей челюсти. Нарыв, который она не замечала — или делала вид — вдруг дал о себе знать. Пульсирующий, горячий, давящий. Как будто он ждал этого вопроса, чтобы отозваться. И отозвался — короткой, ослепляющей вспышкой, от которой мир качнулся.

Тело перехватило раньше сознания. Телефон выскользнул из внезапно вспотевшей ладони и глухо стукнулся о ковёр. Правая рука впилась в обивку дивана — ногти прорезали ткань и упёрлись в поролон. Левая, всё ещё сведённая судорогой, сжалась в кулак, и ногти вонзились в ладонь, оставив глубокие полумесяцы. Позвоночник выгнулся дугой, лопатки вдави-

лись в спинку дивана. Из горла вырвался звук — не крик, не стон, а низкий, рвущийся рык, в котором не было ни слов, ни смысла, только чистая, животная реакция.

Мир схлопнулся до одной точки — у самого корня зуба, где воспалённый нерв бился в предсмертной агонии. И вдруг — одновременно и слишком поздно — что-то лопнуло. Гной вырвался наружу, и вместе с ним наступило облегчение. Густое, ледяное онемение поползло по дёснам, стекло по щеке,хватило язык, поднялось к скуле, растеклось по губам — и почти всё лицо стало чужим, ватным, нечувствительным. Вместе с болью ушло время. Вместе с болью исчезла и она сама — осталась только звенящая пустота, в которой, как эхо после удара, всё ещё дрожал вопрос:

«Как дышать врозь одним воздухом?»

Настя медленно разжала пальцы. На обивке дивана остались четыре глубоких следа — там, где ногти прорвали ткань. На левой ладони — четыре алых полумесяца, уже набухающих кровью. Она смотрела на них и не узнавала свои руки. Телефон валялся на ковре экраном вверх.

Она подняла его. Пальцы дрожали, но она нажала «скачать». Надела наушники, легла на диван.

Голос чтеца — женский, не молодой, с лёгкой хрипотцой и неправильным, почти домашним придыханием после «т» — произнёс:

«Они сидели на вершине холма. Не было ни холма, ни их самих — было только общее тепло, перетекающее из одного в другое, как дыхание...»

Настя закрыла глаза. И перестала чувствовать диван. Перестала слышать холодильник. Перестала помнить, что она — Настя, что ей тридцать, что она в разводе, что на столе стоит немытая тарелка. Вместо этого она ощутила мягкое, разлитое по телу ощущение — не физическое, а какое-то изначальное, как будто она лежит не в своей квартире, а внутри чего-то живого и большого, и рядом кто-то дышит в такт с ней.

Это было так странно и так правильно, что она не стала сопротивляться. Она просто отдалась этому чувству, как отдаются воде, когда учатся плавать. И провалилась.

Сначала ничего не было. А потом появился запах.

Запах был горьковатым и одновременно сладким — так пахнет полынь, если растереть её в ладонях в июльский полдень, когда солнце выжигает из травы все остальные оттенки. Настя не понимала, откуда она это знает — в Томске полынь почти не росла, только у бабушки в деревне, но бабушка умерла пятнадцать лет назад. И всё же запах был знакомым, как будто она помнила его ещё до своего рождения.

Потом пришёл звук. Не слова — музыка. Три ноты, одна за другой, и каждая значила: я-лю-блю. Музыка звучала не в ушах, а где-то глубоко в ней, и от неё расходилось то самое ощущение, из которого состоял этот мир.

Потом появился холм. Низкий, поросший травой, которую никогда не касалась коса. Небо над холмом было белым — не пасмурным, а именно белым, как будто ещё не решившим, каким ему быть. На холме сидели двое. У них не было имён, но Настя смотрела на них и чувствовала странное, необъяснимое узнавание. Девушка с тёмными волосами и родинкой над левой бровью — чужое лицо, чужое тело. И одновременно родное, близкое. А рядом с ней — мужчина. Он смотрел на девушку, и от его взгляда воздух становился теплее.

Они не говорили. Вместо слов между ними текли образы — яркие, как вспышки, и понятные без перевода. Девушка послала образ щекотки — и мужчина засмеялся, и смех его был льющим сиянием, настоящим, струящимся из горла и падающим на траву, и трава там становилась зеленее.

«Ты глупый», — подумала девушка, и это прозвучало музыкой из тех самых трёх нот.

«А ты — сияние», — ответил он, и она ощутила это внутри, как живое тепло.

Настя во сне улыбнулась. Она не понимала, как это возможно — чувствовать чужую мысль, но сейчас это было так же естественно, как дышать. Ей казалось, что она всегда это умела и только забыла. Где-то далеко, на самом краю сознания, маячила мысль, что это просто сон, что сейчас она проснётся на диване, и будет тарелка, и будет дождь, и будет пустота. Но здесь, на холме, пустоты не было. Всё было заполнено — тихим сиянием, перетекающим из одного в другое, горьковатым запахом полыни и той самой музыкой из трёх нот.

А потом что-то изменилось.

Сначала это было почти незаметно — лёгкое марево, как воздух над раскалённым песком. Девушка послала мужчине образ воды — прозрачной, холодной, с привкусом железа, как из лесного родника, — но он пришёл к нему чуть искажённым: вода была мутной, тёплой, с горьким осадком. Он удивился, но не придал значения — мало ли, может, просто устал.

День за днём марево сгущалось. Мысли проходили уже не напрямую, а сквозь туман: очертания оставались знакомыми, но детали размывались. Он пытался угадать её настроение — и угадывал лишь наполовину. Она пыталась понять, что он чувствует, — и наткнулась на глухую стену.

А потом туман стал облаком. Плотным, серым. Теперь они не видели мыслей друг друга — только смутные тени за завесой. Девушка — Ева, вдруг всплыло имя, и Настя поняла, что так зовут эту женщину, хотя та сама ещё не знала своего имени, — потянулась к нему мыслью и наткнулась на холод. Не на враждебность — просто на холод. Так бывает, когда проводишь рукой по стеклу с той стороны, где зима.

А потом облако стало грозовой тучей. Тяжёлой, чёрной, полной грохота и молний. Каждая попытка пробиться мыслью наткнулась на разряд — обжигающий, ослепляющий. Ева отдёргивалась и плакала без слёз — внутри, где больше никто не мог услышать. Адам — это имя тоже пришло само, — метался по ту сторону тучи и бил в неё кулаками, но кулаки проходили сквозь, не оставляя следов.

И тогда — впервые за всю бесконечность — они потянулись друг к другу не мыслями, а телами. Адам протянул руки, Ева шагнула навстречу, и они обнялись — не как части одного целого, а как двое отдельных, испуганных, тёплых.

От этого первого объятия в ней вспыхнула искра. Плод.

И в тот самый миг мир начал входить в неё заново. Запах мокрой травы. Шершавость камня под босой ступнёй. Вкус ветра — горький и свежий. Всё это она ощущала теперь одна, отдельно от Адама. С каждым днём туча между ними становилась всё чернее — и одновременно крепла её связь с этим миром. Она слышала, как дышит земля после дождя, как прорастают корни, как осыпается пыльца с цветка. И в этом была боль — потому что Адам оставался где-то рядом, но уже не внутри. И в этом была радость — потому что каждый звук, каждый запах принадлежал только ей.

«Ты больше не слышишь меня?» — спросил Адам вслух. Это были первые слова, произнесённые голосом, и они прозвучали глухо, как будто через подушку.

«Нет», — ответила она одними губами. — «Но я слышу, как он растёт внутри. И я слышу запах воды».

Она опустила на колени у лужи, зачерпнула горькой воды, выпила. И заплакала — впервые. Не от боли. От того, что была одна — но не одинока. Сквозь слёзы она вдохнула запах гниющих водорослей и вдруг улыбнулась — мокро, криво.

«Знаешь... я никогда не думала, что тление может пахнуть так сладко».

Он не понял. Но её улыбка оказалась заразной.

Ева плеснула ему в лицо горькой водой.

«Что ты...»

«Учу тебя смеяться. Без мыслей. Просто так».

Он засмеялся — грубо, гортанно. В смехе была соль — его собственная, отдельная, смертная жизнь.

Настя открыла глаза. Наушники сползли на подушку, из них всё ещё лился голос чтеца: «...и он засмеялся — грубо, гортанно, и в смехе была соль». Она лежала на диване, в своей квартире, в Томске, в апреле, и по щекам текли слёзы. Она не заметила, когда начала плакать. Телефон показывал 00:03.

Села. Плечи затекли. Тело было ватным, как после долгой болезни. Во рту всё ещё оставался странный привкус — горьковатый, с оттенком тины, тот самый из книги, из сна. Она провела языком по нёбу и наткнулась на зуб. У самого корня, где недавно пульсировала боль, теперь было пустое онемение. Но вкус гноя, перемешанный с кровью, очень сильно напоминал вкус из сна.

Настя сходила в ванную, прополоскала рот тёплой солёной водой, сплюнула. Сон ушёл, остался только привкус металла. Она подошла к окну.

За окном всё так же шёл дождь. Тарелка всё так же стояла на столе. Но что-то изменилось. Настя не могла сказать, что именно. Будто воздух в квартире стал плотнее — или, наоборот, прозрачнее, и сквозь привычные вещи проступило что-то ещё. Она посмотрела на свою ладонь — на сгибе большого пальца краснела свежая царапина. Откуда? Ведь она ничего не делала, только лежала и слушала.

Она прижалась лбом к холодному стеклу. Снаружи были те же девятиэтажки, те же машины у подъезда, та же лужа под фонарём, в которой дрожал жёлтый свет. Но ей вдруг показалось, что за этой картинкой есть что-то ещё — как будто реальность стала прозрачной и сквозь неё проступил тот самый холм, та самая полынь, та самая туча.

Она тряхнула головой. «Сон, — сказала она вслух. — Просто сон». Голос прозвучал хрипло, как после долгого молчания.

Но на столе лежал телефон, и на экране всё ещё светило название. «Светлый смех и горькая соль». Значок загрузки всё ещё крутился — как будто файл был бесконечным. Или как будто он продолжал писаться прямо сейчас, пока она слушала. Но звук не прерывался. Книга продолжала звучать. Она смотрела на крутящийся значок и вдруг поняла: она не хочет, чтобы это заканчивалось. Потому что, пока голос звучит, она не одна. Потому что эти образы — Адам, Ева, туча, горькая вода — они говорят с ней на языке, которого она не знала, но который понимала. Потому что там, в этом тексте, её боль обретала смысл.

Она снова легла на диван и закрыла глаза. Голос чтеца подхватил её, как подхватывает течение.

Ева рожала три дня.

Адам сидел у входа в жилище и слушал крики. Прежде он умел чувствовать её боль как свою — теперь он мог только догадываться. Каждый крик вонзался в него и не находил выхода. Он бил кулаками по земле, царапал ладони о камни, но это не помогало. Боль оставалась снаружи — страшная, неразделённая.

Повитуха, старая женщина с лицом, похожим на печёное яблоко, выходила к нему и качала головой: «Жди». И он ждал — впервые в жизни. Прежде он не знал, что такое время, потому что время — это расстояние между желанием и исполнением, а прежде желание и исполнение были слиты в одно. Теперь между ними легла пропасть, и она называлась ожиданием.

На третьи сутки крики стихли. Адам ворвался внутрь и увидел Еву — бледную, мокрую от пота, но живую. В руках повитухи что-то скользкое и горячее — ребёнок. Только он не дышал.

«Нет», — сказала Ева. — «Нет, нет, нет».

Она прижала его к груди и стала баюкать, как будто это могло помочь. Адам упал на колени.

«Ты хотел, чтобы он был, — произнесла она без выражения. — Вот он. Мёртвый».

Адам ничего не ответил. Он просто обнял её — её и того, кто мог бы стать их сыном. Они просидели так до рассвета. Когда солнце поднялось, Ева отдала тельце повитухе и вышла наружу. Она села на камень и стала смотреть на восток. Слёз не было — они кончились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.